

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

*ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД
К ПОЗНАНИЮ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА*

Санкт-Петербург, 2017

Интегративный подход к познанию психологии человека:

В.Н. Панферов, В.В. Знаков, Е.Ю. Коржова и др. / Под научной редакцией Е.Ю. Коржовой. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 296 с.

ISBN 978-5-8064-2397-0

Глава 2

МИР ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА²

Знаков В.В.

Уважаемые коллеги, сначала я хочу обозначить круг проблем, которые собираюсь обсудить³:

- Мир человека, его структура.
- Три традиции психологических исследований мира человека.
- Изменения в мире человека в XXI веке.
- Последствия изменений для психологии субъекта: новые контексты и способы постановки проблем.
- Междисциплинарный вектор постановки психологических проблем.
- Деятельностные основания формирования и развития субъектности человека.
- Первый, содержательно-структурный, этап развития психологии субъекта.
- Второй этап – развитие субъекта как самопорождение и самотрансформация его субъектных качеств.
- А.В. Брушлинский – «основатель дискурсивности» проблемного поля психологии субъекта.

Мир человека, его структура. Уважаемые коллеги, когда я буду говорить о мире человека, я буду иметь в виду то же, что С.Л. Рубинштейн, оказавший большое влияние на развитие психологии в вашем университете. По Рубинштейну, мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотнесена с людьми и является организо-

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00334.

³ Материалы открытой лекции, прочитанной 12 апреля 2017 г. в рамках VII Всероссийской научно-практической конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки» (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена).

ванной иерархией различных способов человеческого существования. Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Иначе говоря, мир человека не одномерный. Он многомерен и состоит, по меньшей мере, из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной.

Эмпирическая реальность. В нашей жизни немало ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Такой тип ситуаций нидерландский методолог науки Ф. Анкерсмит определяет как «принуждение опытом» (эмпиризм). Говоря о реальности, субъект (в частности, историк) только описывает ее в терминах отдельных утверждений о событиях, обстоятельствах, каузальных цепочках и т.д. При этом субъект выступает как эмпирик, подчиняется принуждению опыта [4]. Следуя за Анкерсмитом, я назвал первый тип реальности «эмпирическим». Эмпирическая реальность включает два вида окружающей человека среды: природную, состоящую из объектов и явлений, и предметную, созданную людьми. Эмпирическая реальность – это неодушевленная природная (включающая животных) и предметная среда, в которой живет и с которой взаимодействует человек. «Взаимодействие» не предполагает обязательно-го чувственного восприятия, достаточно осмысления и понимания. Я не был в Антарктиде, но понимаю, что этот материк составляет часть природы планеты Земля. Я никогда не видел альпшица, но знаю, что это часть рыцарских доспехов, средневековое холодное оружие (короткое копьё с дискообразным ограничителем).

В соответствии с парадигматическим способом понимания люди, так же как объекты и предметы, тоже могут включаться в эмпирическую реальность. Это происходит тогда, когда мы рассматриваем людей не как субъектов, обладающих разумом, чувствами и т.п., а как объекты логических рассуждений, по отношению к которым применяется парадигматический способ понимания мира. Примерами могут служить логические задачи на поиск лишнего слова. В перечне «стол, шкаф, кровать, стул, телефон», лишним является слово «телефон», потому что оно не входит в понятие «мебель». Аналогично из списка «мать, дядя, начальник, дочь, брат» необходимо удалить слово «начальник» как не относящееся к определению понятия «семья». В таких случаях, рассуждая логически, мы парадигматически понимаем обсуждаемый фрагмент мира человека. При этом не принципиально, состоит он из неодушевленных объектов или живых людей – методы рассуждений и способ понимания такие же, как при научном исследовании природы или предметов, созданных человеком.

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. Или, как говорил К. Поппер, ис-

пользовать принцип фальсифицируемости, принципиальной опровержимости утверждений. Например, опираясь на метрическую систему мер, любой образованный человек выберет истинное высказывание из пары: «Кит весит больше карася» и «Расстояние от Москвы до Владивостока не превышает тысячу километров». Точно так же любой человек, знающий историю вашего университета, без труда поймет, какое из двух высказываний является истинным: «С.Л. Рубинштейн работал в ЛГПИ им. А.И. Герцена в первой половине XX века» и «С.Л. Рубинштейн работал в ЛГПИ им. А.И. Герцена во второй половине XX века».

Для понимающего мир субъекта эмпирическая реальность отличается от социокультурной и экзистенциальной: события и ситуации в ней имеют бесцельный, ненаправленный, неодушевленный характер. По мнению И. Гофмана, для их понимания люди используют «природную систему фреймов», т.е. рамок, в которых структурируется индивидуальный опыт. Полвека назад психологи Р. Абельсон, У. Кинч, Т.А. ван Дейк, П.У. Торндайк обнаружили, что субъект понимает мир, сопоставляя входные сообщения с обобщенными схемами памяти – фреймами, сценариями, макроструктурами. Говоря о фрейме как об обобщающем понятии, И. Гофман писал: «Основное различие между природной и социальной системами фреймов заключается в роли, исполняемой, в частности, индивидами. Если речь идет о природном взгляде на реальность, индивиды, как и любые другие действующие лица, не обладают никаким особым статусом, они подчиняются детерминистскому способу существования, не зависящему от чьей бы то ни было воли и не имеющему никакого отношения к морали. Если же мир рассматривается через социальную систему фреймов, индивиды ведут себя иначе. Они определяются в терминах самодовлеющей активности (*self-determined agencies*), они знают, что можно делать, а что нельзя, и несут моральную ответственность за свое поведение» [10, с. 146-147].

Таким образом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности только вследствие переживания, трансформации, конструирования новых знаний о мире и опыта субъекта. В науке новые знания представлены в теориях, концепциях. Об этом говорил Д. Дойч: «Мы понимаем структуру реальности, только понимая объясняющие ее теории. А поскольку они объясняют больше, чем непосредственно осознаем, мы можем понимать больше того, в чем непосредственно отдаем себе отчет» [11, с. 23].

Социокультурная реальность. Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержаний индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом [29]. Понимание оказывается одним из главных психоло-

гических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы тем самым творим реальность. *Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности!* Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов.

В начале этого века переосмысление онтологии мира человека привело к трансформациям, новым взглядам на широко применявшиеся в социогуманитарных науках подходы – коммуникационный, организационно-структурный, матрично-программный и другие. Главная причина трансформаций заключалась в закреплении в сознании ученых убеждений в текучести (процессуальности, по А.В. Брушлинскому), множественности, неопределенности и даже «закономерной хаотичности» мира человека. Согласно Заксу, сегодня «в видении социокультурного мира наблюдаются процессы, в чем-то родственные тому, что происходило в познании-описании физической реальности в начале XX в. Классическое – атомарно-дискретное и структурно-упорядоченное, предполагающее определенность и однозначность реальности видение – все более дополняется (а порой и вытесняется) неклассическим, для которого важнейшими предикатами реальности оказываются текучесть, множественность, гетерогенность, «разупорядоченность» (хаотичность) и неопределенность [14].

Психологами такие взгляды не воспринимаются как что-то совершенно новое и потому неожиданное. К примеру, в исследованиях самопонимания Кук-Гройтер обнаружено, что люди, достигшие высших постконвенциональных стадий самопонимания (автономной и интегративной – они проявляются у испытуемых не моложе 26 лет), считают устоявшееся стабильное самопонимание иллюзией, недостижимым и бесполезным идеалом. Они ясно осознают, что их внутренний мир не может кардинально отличаться от внешнего – неопределенного, изменчивого и многополярного. Они относятся к самопониманию как трансформации, постоянному переосмыслению точек зрения на себя. Например, испытуемый говорит: «Я – это... совокупность противоречий: я – плохой и хороший, самоуверенный и сомневающийся, равнодушный и сердечный в одно и то же время. Наверно, нет таких недвусмысленных определений, чтобы ответить на вопрос: кто я?» [37, с. 131]. Такое самопонимание не основывается на дихотомической логике: иногда я хороший, а иногда плохой. На интегративной конструктивно осознанной стадии самопонимания, казалось бы, противоречивые рассуждения субъекта о себе в его психике объединены в единое целое. Они поняты и приняты им как две стороны одной монеты (я хороший и плохой в одно и то же время), потому что каждый концепт, по сути, может существовать как продолжение другого.

Для объяснения психологической природы такого самопонимания уместно обратиться к данным, полученным в другом современном направ-

лении психологических исследований – аналитического и холистического стилей мышления понимающего мир субъекта. Описанный тип самопонимания очень напоминает отношение к противоречиям у людей с выраженным преобладанием холистического стиля мышления [43].

В социокультурной реальности так же, как в эмпирической, есть объективные факты, не зависящие от сознания (однако предполагающие их понимание множеством индивидуальных субъектов). Например: «Великий русский полководец А.В. Суворов умер 18 мая 1800 г.»; «И. Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней»; «Психолог В.М. Аллахвердов в 2012 г. в телепрограмме “Культурная революция” утверждал, что юнговского коллективного бессознательного не существует». Необходимым и достаточным признаком объективности высказываний о таких фактах является невозможность их разной интерпретации: психолог отрицал существование коллективного бессознательного, а противоположное утверждение (не отрицал, а соглашался с...) будет ложным. Объективные факты не могут быть основаны на мнениях, а не на достоверных знаниях. В социокультурной реальности есть немало фактов, которые обычные люди сознают и понимают, но не могут изменить: цены в магазинах, внешняя политика государства, пробки на дорогах и т.п.

Для психологов при анализе социокультурной реальности главным является изучение общения, психологии взаимодействующих субъектов. При этом ключевую роль играют основанные на субъективных мнениях, точках зрения индивидуальные различия в понимании разными людьми одних и тех же событий и ситуаций. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, несводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий. В социокультурной реальности понимание фактов основано не на достоверных знаниях, а на *мнениях* людей и порождаемых ими *смыслах* событий и ситуаций. Неудивительно, что любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в соответствии с разными теориями.

В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от

друга, что становится трудно установить общее между ними. «Так, например, для одной экономической теории товар – это вещь, которая имеет цену как свойство вещи; для другой – цена не свойство, а отношение к деньгам; для третьей цена – это превращенная форма стоимости, а деньги – особый товар...» [19, с. 170].

Важно отметить, что используемая для описания социокультурной реальности интерпретационная схема «социальной системы фреймов» включает указания и на то, что иногда даже не реальные, не происходившие на самом деле события или несуществующие явления понимаются людьми как действительные. Достаточно упомянуть мешки писем, отправленных детьми Санта Клаусу. В Лондоне в почтовом отделении, обслуживаемым Бейкер стрит, даже были вынуждены назначить специального чиновника, в функциональные обязанности которого входил разбор писем, много лет, приходивших на имя Шерлока Холмса. Вывод очевиден: и для детей, и для взрослых эти несуществующие в действительности персонажи были реальными людьми, живущими в одном с ними человеческом мире.

События и ситуации в социокультурной реальности имеют целенаправленный, мотивированный, осмысленный характер. Интерпретационной схемой их понимания по Гофману является «социальная система фреймов». Важная функция фреймов заключается в том, что они не только указывают рамки, в которых следует понимать конкретные фрагменты мира, но и содержат нормативные предписания, т.е. указания на то, что должно оказаться в фокусе внимания понимающего субъекта. Фрейм только направляет, но жестко не детерминирует понимание социальных фактов.

Экзистенциальная реальность. Экзистенциальная реальность человеческого бытия в отличие от эмпирической не объективируема, она не имеет явных референтов в предметном мире (например, какие объекты обозначают слова «содружество» или «участие»?). На это обращает внимание Т.А. Кузьмина, которая пишет о том, что «в человеческом бытии имеются и сосуществуют, по крайней мере, две реальности: предметно-объектная и необъективируемая, одна, подчиненная всем законам объектного мира, и другая, “не от мира сего”, живущая по другим законам» [21, с. 19]. Ключевыми психологическими феноменами экзистенциальной реальности являются опыт, переживание, бессознательное, постижение, не имеющие объектных референтов.

Для экзистенциальной реальности повторяемость не важна, потому что она состоит из индивидуально неповторимых феноменов. В этой плоскости научного исследования психолог имеет дело с частным и уникальным. Эта реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. В опыте и через опыт человек понимает все, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понима-

ние оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни.

Основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются *переживание* и *опыт*. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем, основанного только на познавательном знании. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Подобные проблемы возникают в исследованиях когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека как врага, при анализе принятия или отвержения моральной допустимости абортов, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т.п.

Итак, зачем нам говорить о многомерности мира человека?

Психологический анализ проблем многообразия реальностей и суждений о них способствует переходу от методологического анализа к более конкретному психологическому изучению человека. В психологии множественность описаний обнаруживается в самых различных исследовательских областях. Психологи говорят о множестве возможностей презентации Я в опосредствованном компьютером общении, множественной личностной и этнической идентичности, множественном характере онтологии человеческой жизни и т.д. Главным в этом контексте является то, что психологи обнаруживают убежденность в множественности мира в сознании конкретных людей, достигших высоких уровней самопонимания и рефлексии межличностных отношений. Вот типичный пример из того же исследования С.Р. Кук-Гройтер: «Я просто не выношу людей, которые... Что значит “не выношу”? Это слишком сурово. Как насчет: я предпочитаю людей, которые добры, вежливы и сердечны, уверены в себе, умны и т.д. Людей с противоположными качествами я воспринимаю как необходимость» [37, с. 129].

Три традиции психологических исследований мира человека. Существующие объективные различия в содержании реальностей неизбежно должны были сказаться на формировании неодинаковых традиций их психологического исследования.

Они определяются тем, какие рассуждения психолог считает рациональными и, следовательно, научными. В основе разных традиций проведения психологических исследований лежат неодинаковые рациональные рассуждения. Представления о рациональности отличаются друг от друга, во-первых, *целями* исследования, связанными с интерсубъективными

представлениями психологов о том, какое познание следует признавать научным.

Когнитивные психологи обычно ссылаются на положение дел в объективном мире и претендуют на *истинность* получаемого в эксперименте знания. Для представителей герменевтического подхода, ориентирующихся прежде всего на ценности и нормы, разделяемые различными социальными группами, научными являются *правильные* (с точки зрения входящих в эти группы людей) суждения. Экзистенциальная традиция психологических исследований характеризуется ориентацией не столько на достоверные знания, сколько на субъективные убеждения и плохо осознаваемые ощущения и чувства, например, уверенность в своей правоте. В этом случае исследования направлены на выявление *правдивых* суждений субъекта о себе и окружающих людях. Во-вторых, представления о рациональности различаются планируемыми *результатами* исследования, точнее, типами их понимания. Когнитивные исследования завершаются *пониманием-знанием* психологом результатов, герменевтическим соответствует *понимание-интерпретация*, а экзистенциальные заканчиваются *пониманием-достижением* того, что было предметом анализа.

Подробнее о традициях психологических исследований можно прочитать в книге [15].

Изменения в мире человека в XXI веке. Как утверждал крупный теоретик менеджмента П. Друкер, в мире человека каждые 50 лет происходят необратимые общественные изменения [12]. Еще в 1980-х годах человек, идущий по улице и разговаривающий, казалось бы, сам с собой, воспринимался большинством из нас как странное отклонение от нормы. Тогда практически невозможно было предсказать существование мобильных телефонов, интернета, всплеска терроризма и других отличительных признаков нашего времени. Одна из главных причин произошедших изменений заключается в переформатировании классовой структуры общества. В конце прошлого века актуальным было марксистское деление людей на классы по их отношению к средствам производства. Рабочий класс хотя сам не обладал средствами производства, но с помощью машин преобразовывал природную и предметную среду. Преобразование было направлено на получение для человека и человечества средств к существованию. При этом машины направляли человека и сами показывали ему, что и как нужно делать: с помощью снегоуборочной машины можно расчистить дорогу, но нельзя сделать самолет.

В современной социальной теории понятие класса отличается от марксистского: оно связывается уже не с владением средствами производства. Очевидно, что в мире и нашей стране сейчас так называемый традиционный машинный труд на заводах, фабриках и т.п. находится в кризисном мало востребованном состоянии. Например, в середине 2016 г. это могли бы засвидетельствовать полтора миллиона российских безработных.

Сегодня отнесение людей к определенному классу определяется не по тому, владеют ли они орудиями труда, а по тому, какими жизненными шансами они обладают. Шансы определяются образованием, материальным положением семьи, способами получения дохода. В нашей стране к этому добавляется еще и наличие родственных и социальных связей. Экономисты называют современное общество «обществом знаний», построенном на сетевых информационных технологиях. В таких условиях так называемый креативный класс не только получает вознаграждение за свои знания, умения, навыки, но и сам является владельцем неотчуждаемых от него средств производства. В роли последних выступают те же знания, понимаемые очень широком смысле – как потенциал интеллектуальной деятельности. В когнитивно-опытной теории личности Сеймура Эпштейна такой потенциал соответствует целостному континууму «достоверные знания-мнения-опыт». В отличие от средств производства в их марксистском понимании современные средства не могут указать представителям профессий, связанных с интеллектуальным трудом, *что и как* делать. Для таких работников характерно *самостоятельное* творческое применение своих знаний.

В современном информационно-сетевом обществе представления о средствах труда кардинально изменились. Раньше молоток, телефон и тому подобные инструменты были явным продолжением органов чувств и частей тела человека. Вот как писал об этом Б.Г. Ананьев: «Известно, что благодаря материальному производству, особенно производству средств производства, общество вооружает человека самыми разнообразными техническими средствами, бесконечно «усиливающими» естественные органы человеческого тела, а подчас и создающими новые подвижные функциональные системы, или «функциональные органы», т. е. орудия в самом широком смысле слова. С помощью таких технических средств человек воздействует на окружающую природу, изменяет ее, а в процессе ее изменения преобразует и собственную природу» [2, с. 25].

Сегодня ученые говорят не об «усилении» (или продолжении) органов человеческого тела техническими устройствами, а о симбиозе, синтезе естественного и искусственного. В прошлом исследования искусственного интеллекта реализовывались на технической основе сопоставления мышления отдельного человека с возможностями машины. Как свидетельствуют материалы масштабных научных конгрессов и фантастические романы, предельно огрубляя, можно сказать, что целью исследований было копирование человеческого разума. Иначе говоря, искусственный интеллект строился на основе редукции соотношения индивидуального и коллективного к познающему индивиду. В наше время Э. Файола и другие ученые говорят о становлении киберсознания и человеке дополненном. Возникает представление о формировании коллективного разума, сетевого интеллекта: в компьютерных системах с межсетевым взаимодействием челове-

ский интеллект становится одновременно распределенным и объединенным. В медицине давно уже используются приборы типа кардиостимуляторов, которые не позволяют однозначно ответить на вопрос: является ли ритм сердца больного естественным или искусственным? Нечто подобное теперь происходит со становлением киберсознания: в инновационном поле современного общества мы наблюдаем становление социально-разделенного сознания. Это означает слияние компьютерных технологий не только с разумом, но и с телами людей. «Инвазивные технологии дополняют понимание телесно воплощенного человеческого опыта» [31, с. 155]. Живым примером может служить канадец Роб Спенс, которому в глаз имплантировали видеокамеру, соединенную с передатчиком. Приведу недавний случай взаимодополнения компьютерной и обыденной реальностей: летом 2016 г. во всем мире стала популярной игра Pokemon Go. В ней действия частично происходят в реальном мире, в местах, обладающих конкретными географическими координатами. И в этих местах якобы действительно присутствуют компьютерные вымышленные персонажи, которых ищут игроки.

Подобное направление развития науки и техники сегодня не стало бы неожиданным для Б.Г. Ананьева, который еще полвека назад писал: «С успехами техники развились такие исторически сложившиеся системы, как “рука + механические орудия”, “глаз + оптика”, “ухо + акустика”. Благодаря такому соединению органов человеческого тела – анализаторных систем мозга – с орудиями бесконечно расширяется сфера чувственного познания и постепенно возрастает так называемая “разрешающая сила” органов чувств человека. Можно сказать, что “каналы связи” и “информационные системы” человеческого мозга на каждой ступени цивилизации таковы, какими их делает соединение со все совершенствующимися техническими приспособлениями, “орудиями” в самом широком смысле слова» [2, с. 26].

Итак, если современные технологии считать средствами производства, то в сетевом обществе знаний они уже не «продолжают» человека, а сливаются с ним. Это происходит потому, что знания, распределенные между членами коммерческих организаций или научных сообществ, все равно остаются достоянием конкретных людей, входящих в такие структуры. И такой взгляд на средства труда отражает характерную особенность социокультурной реальности XXI века.

В новых условиях снова стираются грани между субъектом и орудием как объектом. Говорят, что новое это хорошо забытое старое. О противоположности и вместе с тем единстве субъекта и объекта, внутреннего и внешнего бытия еще сто лет назад писал С.Л. Франк. Сегодня в интерпретации Э. Файолы, А.Е. Войскунского и Н.В. Богачевой эта мысль звучит так: «Мы пока не можем разграничить тело и машину, поскольку телесные процессы расширяются технологиями за его пределы, а цифровые процес-

сы изменяют процессы опосредствования. Субъект и средство становятся единым целым, концепция социального происхождения разума реконструируется, а поведение изменяется под воздействием новой системы сетевого сотрудничества. В постчеловеческой эре искусственное сознание не заметит природных процессов; скорее они превратятся в единое целое, где сознание станет продолжением коллективного социокультурного мира, произойдет зарождение симбиотической жизни, эволюция киберкультурного распределенного опосредствования [31, с. 158].

Последствия изменений для психологии субъекта: новые контексты и способы постановки проблем. Сегодня актуальным является ответ на вопрос: «Как изменения в мире человека сказываются на психологических исследованиях?» Обращая вопрос к психологии субъекта, я имею в виду следующие ключевые направления современных исследований.

Во-первых, это поиск и постановка проблем человекознания не изнутри психологического контекста, а из междисциплинарного, в понимании Б.Г. Ананьева.

Во-вторых, проявляющиеся в разных контекстах попытки современного переосмысления деятельностных оснований формирования психики.

Наконец, в-третьих, осознание и научное обоснование нового, самосозидательного, самопорождающего этапа развития психологии субъекта.

Рассмотрю эти направления подробнее.

Междисциплинарный вектор постановки психологических проблем. Сегодня большинство психологических проблем, в частности, в психологии субъекта, уже нельзя изучать только с внутрипсихологических позиций (этот период мы прошли во второй половине прошлого века). Необходимость в новом осмыслении старых проблем обусловлена возникновением информационного общества, включающего сетевой характер организации знаний. Актуальность междисциплинарного подхода обусловлена необходимостью взглянуть на каждую проблему с разных точек зрения, задающих неодинаковость ее возможных интерпретаций. В наше время фундаментальные проблемы ставятся не внутри той или иной области науки, а на стыке, в междисциплинарном контексте, объединяющем ученых различных специальностей. В психологии субъекта это, в частности, отчетливо видно на примере переосмысления понятий «коллективный субъект» и «групповой субъект».

В XXI веке при осмыслении их содержания импульсом служит развитие не психологии, как это было прежде, например, в психологической теории коллектива А.В. Петровского. Источники современного переосмысления этих категорий надо искать во всем комплексе наук о человеке – от направленных преимущественно на анализ мозговых механизмов психической деятельности до исследования социальных проявлений психики.

В социальной нейронауке в конце двадцатого века были обнаружены зеркальные нейроны: они активируются не только при выполнении чело-

веком целенаправленных действий, но и при наблюдении за тем, как такие же действия выполняет кто-то другой. «Как только мы видим, как кто-то делает что-либо – отдельное действие или цепочку действий – его движения незамедлительно приобретают для нас смысл, хочет он этого или нет. И, очевидно, верно и обратное: наши действия незамедлительно обретают смысл для тех, кто их видит. Зеркальная система и такая избирательность ответов составляющих ее нейронов способствуют созданию *общего пространства действий (shared space of actions)*, внутри которого каждое действие и цепочка действий, принадлежат они “нам” или “другим”, мгновенно регистрируются и распознаются без необходимости какой-либо эксплицитной или намеренной “когнитивной операции”» [28, с. 119].

Одним из перспективных технологических направлений в XXI веке является создание сетевого интеллекта [9]. В его основании лежат не только анализ интернета как человеко-машинного виртуального взаимодействия, но и попытки изучения коллективного интеллекта. Так, в исследовании А.У. Вули с соавторами выявлен фактор «с» (феномен коллективного интеллекта) – способность группы выполнять широкий класс задач. Он слабо зависит от индивидуальных интеллектуальных способностей членов коллектива (группы). Гораздо большую роль играет социальная чувствительность (*sensitivity*), а также отсутствие в коллективе явно выраженного лидера, доминирующего в процессе групповой работы. При этом успешность решения самых разных групповых задач слабо коррелирует с величинами индивидуальных показателей интеллекта [47]. Интересно, что вследствие групповых решений может возникать принадлежащее группе распределенное знание, которое отсутствует в индивидуальных тезаурусах [45].

Одним из значимых современных направлений психологических исследований, фактически направленных на реализацию сетевого принципа, является анализ проблемы «разделяемости» знаний. Обсуждая основания психологии социального познания, Г.М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и о коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социальной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член сообщества обладает таким знанием, и все они придерживаются некоторого общего интересубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях [3].

В психологии и менеджменте изучаются психологические основания интересубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке [38], здравоохранению [39], службам занятости [40], менеджменту [41]. Типичным примером описания исследования, в котором изучались психо-

логические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Юй и Р. Жоу [48]. Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем, неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности накопленные одним человеком опыт и знания могут иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Совместный характер неявного знания, направленного на выход за границы тезаурусов индивидуальных субъектов, в значительной степени определяет новое понимание психологической структуры коллективного субъекта. Вот как применительно к управлению знаниями в организациях описывают эту проблему И. Нонака и Н. Конно: «Долгие годы ученичества позволяют новичкам понять, как чувствуют и думают другие. Таким образом, в определенном смысле неявное знание может быть передано только в том случае, если индивид готов стать чем-то большим, включающим в себя неявное знание кого-то другого. Это большее, например, означает, что по отношению к нашим коллегам и клиентам мы испытываем скорее эмпатию, чем симпатию. В двух словах, выход за пределы личности составляет основу распространения индивидуального неявного знания» [23].

Эмпатия и симпатия в групповых процессах соотносятся в основном не с когнициями, а с коллективными переживаниями [17]. Социальный характер категории переживания, проявляется, в частности, в том, что в психологических исследованиях фокус анализа смещается с индивидуальных переживаний в область коллективного. «Отдельная личность проникнута не столько уникальными, сколько “типическими” (по Г.Г. Шпету) переживаниями, близкими всем представителям большой группы, культуры, социума. Таким образом, коллективный характер субъекта переживания утверждается пока еще не совсем на надиндивидуальном уровне, где субъектом выступала бы собственно группа, но уже в отрицании исключительной природы переживания общественных явлений отдельным человеком. Один человек переживает то же, что и другие люди, и это делает переживание не индивидуальным, а социальным явлением» [35, с. 199].

Важными составляющими переживаний являются коллективные эмоции. Они разделяются и осознаются всеми членами группы. К. фон

Шеве, анализируя феномен коллективных эмоций, называет последние «синхронным сближением аффективного реагирования». В межличностном общении, в одной и той же культуре (обладающей общими знаниями, нормами, ценностями), в способах идентификации субъекта с группой коллективные эмоции проявляются не просто как совокупность отдельных эмоций, а представляют собой уникальное «холистическое» качество социального коллектива [46].

Какое отношение к междисциплинарности имеют те проблемные области, о которых я говорил? Самое непосредственное. Исследования в разных дисциплинах направлены на то, что может стать одним из психологических оснований коллективности, каждое из исследований вносит вклад в понимание интересующих оснований человеческой субъектности.

В науке периоды дифференциации в разных дисциплинах всегда сменялись периодами интеграции. В частности, объективные процессы развития научного познания в психологии XX-XXI веков были направлены как на дифференциацию разных областей психологической науки, так и на их интеграцию. Тенденция к дифференциации характеризует развитие не только психологии: по этому пути идут все фундаментальные науки, и степень их дифференциации является показателем прогресса научного знания.

В психологической науке эта тенденция наиболее отчетливо проявлялась в 1960-1970 годах, когда происходило интенсивное формирование инженерной, социальной, педагогической, юридической и других отраслей психологии. В то время интеллектуальные усилия ученых были сфокусированы скорее на изучении отдельных сторон психики человека (памяти, мышления, свойств личности), чем на стремлении понять ее как системно организованное целое.

В конце XX века ситуация изменилась: в науке стало явно преобладать стремление к целостности, осознание психологами того, что анализ разнообразных психологических феноменов должен гармонично сочетаться с их синтезом. Соответственно, наше время характеризуется все возрастающим интересом психологов к комплексным, системным проблемам и усложнением методов их анализа. Явным и очевидным проявлением этой тенденции стало возникновение психологии субъекта. В ее ключевых проблемах отражены наиболее фундаментальные интегративные характеристики человека. К ним относятся психическая активность, соотношение типичных качеств субъекта, личности, индивидуальности и другие характеристики. То же можно сказать и об интегративном подходе, много лет продуктивно развивающемся на кафедре психологии человека РГПУ и отразившемся в названии этой конференции.

Междисциплинарный анализ проблем субъекта должен быть именно междисциплинарным: в нем психологический подход должен оказаться ведущим, формулирующим задачи и привлекающим для их решения мето-

ды других наук. Именно междисциплинарным, а не трансдисциплинарным, согласно которому науки равноправны и важна лишь объединяющая их проблемная когнитивная схема. При использовании по сути трансдисциплинарного анализа возникают такие странные термины, как в Институте философии РАН – «сборка субъектов развития» [27]. Здесь путаница в том, что субъектами сборки называются субъекты национальной безопасности, инноваций, управления государством и другие. Однако когда дело доходит до поиска теоретических оснований сборки, авторы все равно вынуждены обратиться к положениям субъектно-деятельностного подхода. Разрыв в степени обобщенности трансдисциплинарного и междисциплинарного подходов очевиден. Следовательно, междисциплинарный подход более адекватен для исследований в области психологии субъекта.

Деятельностные основания формирования и развития субъектности человека. После А.Н. Леонтьева в отечественной психологии количество публикаций, в названии которых упоминается слово «деятельность», резко сократилось. Сегодня почти нет исследований, методологическим основанием которых действительно является теория деятельности, а методики учитывают ее единицы – мотивы, цели, действия, операции. Правда, со мной вряд ли согласятся участники «Методологического семинара по проблемам деятельностного подхода в психологии», который регулярно проводится на факультете психологии МГУ. Однако важность новых взглядов на проблемы деятельности в современном междисциплинарном научном контексте для меня тоже очевидна.

Научная значимость необходимости возвращения психологов к психологическому анализу деятельности следует из новой расстановки акцентов в методологии современного социогуманитарного познания. Изменение мира человека, и, соответственно, взглядов на его ключевые проблемы определяется такой междисциплинарностью научного познания, в которой ученые рефлексиируют неразрывность связей знаний с действиями. По мнению М.Н. Эпштейна, цель «гуманистики – самосознание и самотрансформация человека, причем не только индивидуума, но и всего человечества. Гуманитарные науки, не ограничиваясь чисто исследовательским подходом, призваны изменять то, что они изучают. Если в гуманитарных науках нет места для будущего, в будущем не останется места для гуманитарных наук» [36, с. 19]. По существу, сегодня речь должна идти о новом переосмыслении известного тезиса К. Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Неожиданный ракурс возрождения интереса к деятельностным основаниям психики раскрывается при обращении к работам М. Фуко [32; 33] и П. Адо [1]. Главное в их трудах – не анализ внутренней сущности субъекта, а изучение тех дискурсов, практик, которые они называли духовными. Характер дискурса, практики, т.е., говоря психологическим языком, дея-

тельности, определяет взгляд на изучаемое, специфику развития психики. В этом контексте важнейшую роль начинают играть способы преобразования субъекта, полагания себя.

Примером такой практики является понимание произведений искусства. Процесс понимания-постижения [15] «художественных произведений – это не только процесс восстановления, возобновления, возрождения смысла, это еще и постоянное творение самой способности понимания – *творение понимающего субъекта*. Своим произведением художник лишь открывает перспективу творческих актов смыслотворения. В цепи этих актов формируются и трансформируются смыслообразующие способности людей» [26, с. 94].

По М. Фуко [32], субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Сегодня уже ясно, что нужно не только анализировать развитие знания о человеке как субъекте, но и учитывать, какие дискурсивные практики конституируют матрицу возможного знания. Другими словами, как деятельность не только определяет практики, но и зависит от них. Неудивительно, что А.В. Брушлинский, развивая психологию субъекта и следуя за своим учителем С.Л. Рубинштейном, настаивал на ее субъектно-деятельностных основаниях [8]. И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Об этом свидетельствуют многие его поступки [15, с. 86-87]. Субъектно-деятельностный подход был для А.В. Брушлинского не абстрактной наукой, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

Еще один ракурс анализа междисциплинарной проблемы деятельности субъекта (для многих исследователей неожиданный) раскрывается при обращении к организационной психологии и, в частности, к понятию «форсайт». «Форсайт – 1) это систематический процесс сбора информации об изменениях в различных областях человеческой жизнедеятельности, в ходе которого происходит самоопределение заинтересованных сторон относительно вероятного будущего, формируется образ желаемого будущего, принимаются решения и мобилизуются усилия для совместных действий в настоящем; 2) система мероприятий, организационных процессов, структур, норм и ценностей, поддерживающих способность организации или сообщества предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании анализа трендов и сценариев развития событий» [22, с. 5]. Форсайт представляет собой особую технологию предвидения будущего развития системы, обязательно сопровождающегося действиями по обеспечению развития общества, активного влияния на будущее. Неудивительно, что существует точка зрения, согласно которой «форсайт по своей сути является модифицированной и сильно преобразованной технологией планирования с учетом новых веяний в науке и обществе. Иными

словами, *форсайт* – это планирование на новом этапе развития общества» [6, с. 67]. В традиционных психологических исследованиях мышления как прогнозирования, проводившихся в школе С.Л. Рубинштейна, показано, что прогнозы не оказывают никакого воздействия на описанный в условиях задачи реальный ход событий. В отличие от этого форсайт включает не только планирование, но и *действия* по реализации планов. При форсайтном планировании люди, например, в организации, становятся и заинтересованными, и ответственными за предполагаемые результаты деятельности. Для психолога полезность использования результатов таких исследований для развития представлений о деятельностных основаниях формирования субъектности очевидны.

Таким образом, современные исследования деятельностных оснований психики должны включать направленность не только на анализ внутреннего мира человека, но и на изучение обстоятельств, способствующих порождению его субъектных качеств. Активная субъектная позиция человека предполагает обращение к будущему, деятельностное преобразование прогнозируемых возможных событий.

Первый, содержательно-структурный, этап развития психологии субъекта. Российская психология субъекта прошла *первый этап* развития, который я бы назвал содержательно-структурным. В отечественной психологии этот этап исследований начался в 1990-х гг. [7]. На первом, фактически познавательном, этапе психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления по существу был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы.

В этом контексте значимыми были психологические исследования, в которых решалась задача различения признаков индивидуального и коллективного субъекта. На теоретико-методологическом уровне анализа проблемы отмечалось, что «в самом полном и широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» [8, с. 29]. На конкретно-эмпирическом уровне анализа психологические исследования характеризовались закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков коллективного субъекта, в них проявлялся интерес психологов к структурным компонентам индивидуального и коллективного субъекта. Именно в

этом качестве аналитически были выделены присущие нескольким людям состояния преактивности, коллективная саморефлексия, групповая устойчивость, удовлетворенность и т.п. [13].

Другая решаемая задача – содержательное разграничение категорий «субъект» и «личность». Для решения задачи Е.А. Сергиенко была выдвинута гипотеза о соотношении частного и общего в проявлениях человека как субъекта и как личности. Согласно гипотезе (впоследствии доказанной эмпирически), личность является срежневой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность задает направление психического развития, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной.

Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы в исследованиях, проводившихся на первом этапе, не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то есть опасность впасть в порочный замкнутый круг – необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть.

Второй этап – развитие субъекта как самопорождение и самотрансформация его субъектных качеств. На *втором этапе* главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например, духовные практики, с помощью которых она происходит.

Сегодня важно осознать, что во втором десятилетии XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что ранее психологические исследования Я-концепции в основном были направлены на поиск определений Я как совокупности личностных качеств человека. С этих позиций Я характеризовалось «самосложностью» и «самопростотой» [44]. В современных исследованиях наблюдается смещение фокуса внимания ученых на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности.

Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко. Выдающийся французский мыслитель выделял два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, об-

ретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе – заботе о себе [33].

В наше время очевидным является смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды нескольких учеников и последователей А.В. Брушлинского. Идеи о становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта [30], в идее о самопроектировании личности [34], в концепции культуропорождающего образования [18]. Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» [24], конечно же, не отрицает эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познания, и такой нелегкой работы по изменению себя, которые отражены в кратком и емком высказывании: «Самое сложное для человека – познать и изменить себя» [20]. Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому.

В самом обобщенном виде применительно к современным задачам гуманистики формулирует эту проблему М.Н. Эпштейн: «*Человековедение неотделимо от человекотворчества. Субъект человековедения потому и не может быть полностью объективирован, что находится в процессе становления, и каждый акт самоописания есть и событие его самопостроения. В гуманистике человек не только открывает нечто в мире субъектов, но и производит в ходе самопознания собственную субъективность*» [36, с.16].

Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дают психологам возможность исследовать две взаимосвязанные стороны формирования субъектности человека. При одном, содержательном ракурсе рассмотрения проблемы субъекта, психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс, предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего в себя и проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта. Перспективным и соответствующим второму этапу

пониманием субъекта мне представляется не телеологическое, а конструктивистское направление исследований. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т.е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем, направленность на самопреобразования соответствует многим направлениям современных психологических исследований – самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др.

С новой, междисциплинарной, научной позиции на многие традиционные проблемы, например, психологии коллективного субъекта, можно посмотреть с иной точки зрения. Сегодня для учета существования неявного знания в межличностных взаимодействиях и преодоления исключительно рационалистического подхода к решению проблемы предлагаются различные варианты уровневой структуры психологической организации коллективного субъекта. Например, И.Т. Касавин пытается избежать редукции проблемы только к познающему индивиду. Он различает основные типы коллективности, в которых производится знание. Следуя этой логике, он описывает четыре уровня коллективного субъекта познания: трансцендентальный, укорененный, договорный и распределенный [16].

Очевидно, что во всех современных вариантах интерпретации содержания категории «коллективный субъект» проявляется направленность на анализ неявного знания и невербализуемого опыта субъекта, это одна из главных характеристик исследований в области человекознания.

А.В. Брушлинский – «основатель дискурсивности» проблемного поля психологии субъекта. В контексте изложенного выше очень значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, тогда почему в качестве основателя психологии субъекта я называю А.В. Брушлинского, а, например, не К.А. Абульханову или какого-нибудь другого серьезного и всеми уважаемого ученого? Дело в том, что только А.В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсивности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т.д.). Иначе говоря, в трудах А.В. Брушлинского психология субъекта описана как новая *целостная* область психологического познания (в работах других психологов представлены только ее фрагменты). Кроме того, он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов – допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем.

В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А.В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности [8]. С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А.В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т.п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований.

Обобщенно говоря, можно утверждать, что А.В. Брушлинский пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличны от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос отразилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неразрывно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности, которые изучает А.Н. Поддьяков, безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций [25].

Заключение. То, что в XXI веке мир человека изменился, утверждение очевидное и даже банальное. Для психологов важнее определить, в чем конкретно заключаются изменения и как они сказываются на формировании новых взглядов на классические научные проблемы. Проведенный анализ показал, что изменение социальной структуры общества, превращение знаний в средства производства, сетевой характер организации структуры знаний породили оригинальные идеи, которые необходимо продуктивно использовать в психологии субъекта. К ним относятся осознание необходимости применения междисциплинарного, метакогнитивного и метасистемного подходов; переосмысление деятельностных оснований формирования и развития субъектных качеств человека. Однако ключевым является понимание научной неизбежности исследования само-

созидательной, самопорождающей, самотрансформирующей природы человеческой субъектности. И анализировать субъекта и субъектность надо так, как выражено в мудром тезисе Л.И. Анцыферовой: «Изменить себя, не изменяя себе» [5, с. 341]. Другими словами, в изменчивом мире психологи должны изучать субъектную сущность человека, не утрачивая его внутреннего стержня, индивидуально-личностного своеобразия.

В заключение я хочу ответить на вопрос, который сам себе задаю: оказывают ли влияние на развитие психологии субъекта мои рассуждения о втором этапе развития? Безусловно, да. Самопорождается не только субъект, но и психология субъекта: знания о втором этапе, рефлексия его признаков преобразуют психологию субъекта как область психологической науки. Девиз второго этапа – не только познавать, но и преобразовывать! Без такого знания невозможны современные эмпирические исследования психологии субъекта.

Литература:

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.: СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968.
3. Андреева Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой. 13. 06. 2009 / Под ред. Ю.П. Зинченко и Т.Д. Марцинковской. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 376–396.
4. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
5. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт психологии РАН, 2006.
6. Балацкий Е.В. Сравнительные эволюционные характеристики технологий предвидения будущего // Наука. Инновации. Образование. Вып. 5. Фортсайт: основы и практика применения. М.: Знак, 2008. С. 65–88.
7. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–10.
8. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
9. Войскунский А.Е., Игнатъев М.Б. Перспективы развития сетевого интеллекта // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. М.: URSS, 2013. С. 263–283.
10. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.
11. Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
12. Друкер П. Классические работы по менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2015.
13. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 133–151.

14. Закс Л.А. Об особенностях современной социально-гуманитарной картины мира и некоторых ее следствиях: против радикального эмпиризма // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2015. Т.143. № 3. С. 88–101.
15. Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.
16. Касавин И.Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLVI. № 4. С. 5–17.
17. Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015.
18. Корбут А.М. Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 122–134.
19. Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки // Философия и общество. 2015. № 1. С. 156–176.
20. Критская В.П., Мелешко Т.К. Патопсихология шизофрении. М.: Институт психологии РАН, 2015.
21. Кузьмина Т.А. Экзистенциальная философия. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2014.
22. Нестик Т.А. Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 5-19.
23. Нонака И., Конно Н. Концепция ба: организационный механизм создания знаний // Управление знаниями: Хрестоматия / Под ред. Т.Е. Андреевой, Т.Ю. Гутниковой. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. С. 275–292.
24. Петрова Г.И. Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 12 (140). С. 131–134.
25. Поддьяков А.Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
26. Порус В.Н. Что значит «понять» художественный текст? // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 84–96.
27. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. М.: ИФРАН, 2010.
28. Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.
29. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003.
30. Тульчинский Г.Л. Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / Сост. М.А. Козлова. М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2010. С. 49–63.
31. Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.
32. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
33. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.
34. Чепелева Н.В. Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-ти летию А.В. Брушлинского). В 4-х т. Т. 3. / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН. 2013. С. 342–345.

35. Ширков Ю.Э. Итоги размышлений: что и как массово переживают люди // Коллективные переживания социальных проблем / Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 198-217.
36. Эпштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
37. Cook-Greuter S.R. Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // *Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development* / Ed. by M.E. Miller, S.R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119–143.
38. Kekäle T. Knowledge sharing among scientists // *J. of Workplace Learning*. 2011. V. 23. № 7. P. 483–484.
39. Kessel M., Kratzer J., Schultz C. Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams // *Creativity and innovation management*. 2012. V. 21. № 2. P. 147–157.
40. Kohansal M.A., Alimoradi Z., Bohloul S.M. The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance // *Int. J. of Business Performance Management*. 2013. V. 14. № 3. P. 293–306.
41. Koriat A., Levy-Sadot R. Conscious and unconscious metacognition: A rejoinder // *Consciousness and Cognition*. 2000. V. 9. Iss. 2. P. 193–202.
42. Luring J., Selmer J. Knowledge sharing in diverse organisations // *Hum. Resource Management J.* 2012. V. 22. № 1. P. 89–105.
43. Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // *Psychol. Rev.* 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.
44. Rafaeli-Mor E., Gotlib I.H., Revelle W. The meaning and measurement of Self-complexity // *Pers. and Indiv. Diff.* 1999. № 27. P. 341–356.
45. Tollefsen D. Group testimony // *Social Epistemology*. 2007. Vol. 21. P. 299–311.
46. von Scheve Ch. Towards a theory of collective emotions // *Emotion Review*. 2013. V. 5. № 4. P. 406–413.
47. Woolley A.W. et al. Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups / Woolley A.W., Chabris Ch.F., Pentland A., Hashmi N., Malone Th. W. // *Science*. 2010. V. 330. P. 686–688.
48. Yu D., Zhou R. Tacit knowledge sharing modes of university teachers from the perspectives of psychological risk and value // *Int. J. of Higher Education*. 2015. V.4. № 2. P. 214-224.